

ДЕЗЕРТИРСТВО В РУССКОЙ АРМИИ: МОТИВЫ И ОБСТОЯТЕЛЬСТВА

200-летний юбилей Отечественной войны 1812 года всколыхнул интерес как общества, так и исследователей к этим эпохальным событиям. Среди множества вопросов, связанных с изучением войны 1812 года, в отечественной историографии практически не освещалась проблема дезертирства в русской армии. Зато эта тема нашла свое отражение в околонучной литературе. Авторы утверждают, что «согласно многочисленным рапортам полковых командиров, сохранившимся в архивах, 40 тыс. русских солдат дезертировали, когда вошли в 1814 году во Францию»ⁱ. Откуда взята такая цифра? И какова методика подсчета? Оказалось, чтобы ответить на эти вопросы, достаточно познакомиться с воспоминаниями артиллериста А.М. Барановича «Русские солдаты во Франции в 1813-1814 гг.» В частности, А.М. Баранович пишет: «В 1813 г., по замирении с французами, когда нашей артиллерийской роте велено было остановиться в Еперне (Эпернэ, на р. Марне), провинции, славящейся шампанским вином, то в шестинедельном квартировании наши солдаты успели ознакомиться [так], с хозяевами своею честностью и услугою, что [те] стали употреблять их на работе в виноградниках, [для работ] полевых, при домашнем очаге...

По 6-недельном отдохновении приказано было выступить в Россию... другой же день, для похода по сбору хотя (солдаты) и явились в парк, но не досчитались семнадцати рядовых, бежавших к своим хозяевам, уговорившим содержать их на своем иждивении и женить на дочерях. Когда же мы прибыли на границу России, то слышали, что из всего войска осталось во Франции до *сорока тысяч* (курсив наш. - Е.Н.) нижних чинов, о возврате которых Государь Александр и просил короля Людовика XVIII под условием, что возвращающийся в отечество наказанию не подлежит, если добровольно явится в полк на службу или в домашнее свое семейство, и путевые издержки Государь приемлет на свой счет. Но король не в состоянии был исполнить государеву просьбу за утайкою французами беглецов, и потому ни один не возвратился»ⁱⁱ.

Как видим, «горячая» информация базируется вовсе не на «рапортах полковых командиров», а на слухах и домыслах. Хотя мемуары и являются важным историческим источником, тем не менее относиться к заложенной в них информации необходимо с осторожностью, сопоставляя с данными, полученными из других источников. Тем более что в данном случае в воспоминаниях А. М. Барановича информация о 40 тыс. дезертиров уже определена как слух.

Однако совершенно понятно, что чем меньше исторических источников введено в научный оборот, тем больше пространства для фантазий и ничем не подкрепленных умозаключений.

В этой связи необходим реальный анализ документов, которые в той или иной мере объясняют природу такого явления, как дезертирство. В представленной работе проанализирован комплекс источников, хранящихся в Архиве внешней политики Российской империи^{*1}, а также ряд документов из Российского государственного военно-исторического архива^{**2*}.

Действительно, случаи дезертирства имели место в русской армии. Наиболее часто побеги совершали рядовые. Как правило, дезертиров ловили и сурово наказывали. Например, из материалов дела о дезертирстве, хранящемся в РГВИА, известно, что в мае 1814 г. были пойманы рядовой 19-го егерского полка Ефим Шумилин и рядовые 40-го егерского полка Яков Прохоров и Лаврентий Гаврилов. Их судили военным судом при 24-й пехотной дивизии. В процессе расследования выяснилось, что организатором побега выступил Шумилин, и это был уже второй

* АВПРИ. Ф. 1. Административные дела. Оп. II-14 «Дезертиры».

** РГВИА. Ф. 103.

его побег. Военный суд постановил «вместо смерти бить кнутами, вырезав ноздри, сослать в вечную работу на галеры»ⁱⁱⁱ. Что касается Прохорова и Гаврилова, то «за первый побег согласно Устава полевого сухопутного и Уголовного уложения главы третьей 16 и 23-го пунктов^{iv} прогнать шпицрутенами сквозь строй через тысячу человек четыре раза»^v.

Как видим, наказание было довольно суровым. Поэтому практически не удивляют случаи, когда дезертиры, спустя даже несколько лет боялись вернуться на родину, не получив амнистии. Например, в январе 1819 г. российский подданный Павел Пантелеймонов подал прошение о разрешении ему вернуться на родину. Он объяснил, что после сражения под Лейпцигом остался в Австрии. Можем предположить, что рядовой банально струсил, именно страх за свою жизнь стал побудительным мотивом для бегства из армии. Впоследствии он поступил на службу в австрийские войска. Однако к 1819 г. двухлетний срок амнистии, определенный Всемилоостивейшим манифестом 30 августа 1814 г.^{vi} уже истек, и граф К.В. Нессельроде^{vii} сообщил в посольство, что ни о каком прощении не может быть и речи. После этого о Пантелеймонове какое-то время ничего не было слышно. К.В. Нессельроде просил графа Ю.А. Головкина, русского посла в Вене^{viii}, выяснить, когда рядовой будет возвращен на родину. Головкин обратился в австрийское министерство иностранных дел, которое в ответ прислало ноту, «что об увольнении Пантелеймонова из австрийской службы и об отсылке его в отечество сделано было надлежащее предписание тому полку, в котором он [Пантелеймонов] служил под именем Павла Биллецкого, но до получения еще сего предписания Пантелеймонов из полку бежал»^{ix}. Видимо, рядовой был так напуган грозившим ему наказанием, что снова дезертировал, на этот раз уже из австрийской армии.

Также из материалов виленской печати стало известно, что уже в июле 1812 г. трое рядовых сбежали вначале из русской армии, были пойманы французами, определены на службу во французскую армию, но сбежали и из нее^x. И в нескольких номерах газеты «Курьер» были напечатаны объявления об их розыске.

В том же 1812 г. майор Ингерманландского драгунского полка Петровский 15 августа бежал из русской армии. Как он объяснил впоследствии, «оставил Российскую армию потому, что он поляк и что все недвижимое его имение состоит в Минской губернии. Он не захотел воевать с единоземцами (курсив наш. - Е.Н.), узнав о союзе из прокламации»^{xi}. Петровский был адъютантом у виленского губернатора А.М. Римского-Корсакова^{xii}, и 15 августа 1812 г. был отправлен в полк на службу, но к полку не явился. «По рапорту сему составлен был князем Барклаем де Толли 6 июня 1813 г. доклад Государю Императору об исключении его Петровского из службы за неприбытие к полку, на коем собственною блаженной памяти Государя Императора рукою написано "перешел к неприятелю"»^{xiii}. Известно, что в июле 1827 г. Петровский просил разрешения вновь поступить на службу в русскую армию, однако каков был ответ Николая I, выяснить не удалось. Хотя в нашей истории известны случаи, когда офицеры, служившие в армии противника, возвращались в Россию и преуспевали, хоть и не на военной службе. Например, небезызвестный Фаддей Булгарин.

Еще один любопытный случай зафиксирован в выписке из судебного протокола. Некий Михаил Клемчук, имеющий от роду 47 лет, родом из д. Провалки, что близ Гродно, находился в услужении и жил в д. Кальтенбрун в Силезии. Он явился к мэру деревни и попросил составить протокол, в котором указал, что раньше служил в Нерчинском драгунском полку, «в 1812 г. был в походах против французской армии; неподалеку от Витебска взят со многими моими товарищами в плен и отправлен в Данциг, где найдя способ освободиться из плена, возвратился в свою родину и тот час явился к Гродненскому военному начальству, которое отправило меня в полк к коему принадлежал и который составил часть корпуса назначенного для осады крепости Шпандау. И так вступил снова в оный полк, был в походах противу французов до самого заключения мира.

В июне 1814 г. полк имел дневку в деревне Гросс-Меерздорф близ Швейдница, что в Силезии. Пополудни надобно было мне подковать лошадь в кузнице сей деревни. Шум инструментов, произведенный кузнецом, выходящим из лавки, испугал лошадь, которая разорвав уздечку, убежала. Я погнался за нею, она пробежала несколько деревень и, наконец, скрылась в лесу близ Клейнвидау. В лесу искал я лошадь всю ночь, однако не смог отыскать даже и следов ее.

Между тем я сбился с дороги, по которой шел и не знал языка той страны, не мог ни к кому обратиться с просьбой проводить меня к тому месту, где полк остановился. С большими трудами пришел я наконец-то в Гросс-Меерздорф, но войск там уже не было. *Боясь наказания*, решил я остаться в Силезии и пропитывал себя трудами.

Однако всегда имел сильное желание возвратиться в свое Отечество и увидеть своих родных. Посему прошу уездное правление употребить в пользу мою свое заступление и просить мне прощение, дабы мог я *без наказания* (курсив наш. - *Е.Н.*) возвратиться на родину».

Мэр деревни добавляет от себя, что «вышеозначенный Клемчук, во все время здешнего его пребывания вел себя всегда добропорядочно, по сию пору никто ни в чем на него не жаловался»^{xiv}.

Иначе говоря, рядовой хотел вернуться, но боялся наказания - как мы знаем, достаточно сурового. Однако Клемчуку повезло, дело затянулось до декабря 1826 г. А 22 августа 1826 г. вышел Всемиловейший манифест, согласно которому «всякого рода и звания людям, кроме евреев, отлучившимся за границу даровано Всемиловейшее прощение»^{xv}. Таким образом, как указывалось в деле, «дезертир Клемчук может возвратиться в Россию беспрепятственно»^{xvi}.

Были случаи, когда рядовые хотели вернуться, даже несмотря на грозившее наказание. Так, в АВПРИ хранится список маршрутов, который выдал статский советник Г.А. Струве^{xvii} возвращавшимся в Отечество в 1822 г. двум российским и одному польскому уроженцам, бывшим во французской и испанской службе: «Андрей Кузьмук - в Варшаву, Иван Биндерф, служивший во французской армии, - в Киев, Иван Сомаров - в испанской армии - в Пермь»^{xviii}.

Иногда достаточно было только подтолкнуть дезертиров, и они были готовы вернуться домой. Например, генерал-лейтенант барон Дибич сообщает министру иностранных дел И. Каподистрия, что «Московского гренадерского полка подпоручик Пегасовский, будучи в отпуску к минеральным водам австрийского владения в г. Те-плиц, узнал там конноартиллерийской роты № 23 рядового Карпа Сорокина, служащего в австрийской службе, да на обратном пути прусского владения в м. Кроточине рядового 40-го егерского полка Семена Иванова, коих склоня возвратиться в Россию, доvez на свой счет в Варшаву и сдал тамошнему коменданту»^{xix}.

Не менее сильным мотивом, чем страх, был корыстный мотив. Об этом писал в своих воспоминаниях Баранович. Можно также привести и другие примеры. Так, некий поручик Жеребцов дезертировал из армии еще в ноябре 1812 г., после сражения под Смоленцами. Выяснилось это совершенно случайно. Московский комендант Гессе 1-й сообщил о довольно странном поведении Жеребцова. Тот появился в Москве в октябре 1814 г. с подорожной минского военного губернатора Игнатьева якобы для покупки на отпущенные ему 4600 руб. парадных офицерских шинелей. Однако сославшись на болезнь, сам к коменданту не явился, подорожную передал через прапорщика, с которым познакомился в трактире, деньги на сохранение не сдал, в ордонансгауз не пришел^{xx}.

Как выяснилось в ходе следствия, поручик Воронежского пехотного полка в ноябре 1812 г. получил ранение при Смоленцах и отправился на излечение в Белостокский госпиталь. А в октябре 1814 г. появился в Москве. Командир 2-й бригады генерал-майор М.Ф. Наумов^{xxi} в рапорте возмущенно указывал, что поручик Жеребцов как был отправлен в госпиталь в 1812 г., так и до сих пор числится отсутствующим по болезни, и никакого поручения и никаких денег

Жеребцову генерал-майор не давал. Оправдываться пришлось и подполковнику Покровскому, командиру Воронежского пехотного полка. Он уверял начальство, что, получив из госпиталя письмо от Жеребцова, что тот ранен, немедленно связался с комендантом Белостока с тем, чтобы Жеребцов по выздоровлению тотчас был отправлен к своему полку. Однако из рапорта начальника госпиталя стало известно, что Жеребцов еще в августе 1813 г. уехал из госпиталя и якобы через Гродно без отношения направился в свой полк.

Но в полк Жеребцов не явился, а более чем через год прибыл в Москву. В «Цареградском трактире» в Москве, где он остановился, самого Жеребцова не нашли, зато обнаружили его слугу. Тот впоследствии признался, что не крепостной человек Жеребцова, а рядовой Воронежского пехотного полка Василий Сергеев. По его словам, в 1812 г. «находился он в числе 90 человек в стрелках под командою тогдашнего штабс-капитана Жеребцова, который был ранен в бою пулею навывлет и для излечения направился в Полоцкий госпиталь»^{xxii}. Сергеев «был командирован для отвозу раненых офицеров в г. Псков», а поскольку при Жеребцове казенного денщика не находилось, то Сергеев принял предложение Жеребцова стать его денщиком и отправиться с ним к родственникам в Тверскую губернию. У родственников они находились около трех месяцев. Потом направились в Москву, где пробыли около семи месяцев. Потом поехали в армию, в Полоцке нашли своего полка один батальон, присоединились к нему, дошли до Познани, где простояли два месяца. По словам Сергеева, Жеребцова отправили в Равичи исполнять должность коменданта, пробыли они там около семи месяцев, однако по болезни Жеребцов был смнен и прибыл обратно в Познань, батальон отправился в Гродно, а Жеребцов и Сергеев - в Москву. Никаких документов о назначении Жеребцова комендантом Равичей обнаружено не было. В Москве Жеребцов неделю оставался в «Цареградском трактире», потом, по словам рядового Сергеева, отправился к коменданту, но обратно уже не вернулся. Дело продолжалось до 1815 г., найти поручика Жеребцова так и не удалось. Ну а рядового Сергеева ждал военный суд при Московском ордонансгаузе.

В данном сообщении приведены наиболее характерные эпизоды. Подобных материалов в архивах немало^{xxiii}. На каждого дезертира было заведено отдельное дело. Скрупулезно выяснялись все детали.

Таким образом, среди мотивов дезертирства можно выделить корыстные мотивы (неустроенность в армии, бесперспективность на родине, как результат - поиски лучшей жизни), очень сильным мотивом являлся страх за свою жизнь (побег как способ сохранения жизни), страх наказания, а также национальные и религиозные мотивы.

Естественно, тема дезертирства в русской армии не исчерпывается только лишь затронутыми здесь вопросами. Эта проблема требует дальнейшего изучения и ждет своих исследователей.

ПРИМЕЧАНИЯ

ⁱ Понасенков Е. Наполеон Бонапарт - кавалер Ордена Святого Андрея Первозванного! // Аргументы недели. 2010. 7 окт. Такую же цифру приводит в своей книге Андрей Буровский. См.: Буровский А. Наполеон - спаситель России. М., 2009.

ⁱⁱ Баранович А.М. Русские солдаты во Франции в 1813-1814 гг.: Из записок арт. офицера А.М. Барановича / Публ. К. Сивкова // Голос минувшего. 1916. № 5/6. С. 153-154.

ⁱⁱⁱ РГВИА. Ф. 103. Оп. 1/208 г. Св. 10. Д. 47, ч. 2. Л. 24.

^{iv} Речь идет о «Полевом уголовном уложении для большой действующей армии 1812 г.».

^v РГВИА. Ф. 103. Оп. 1/208 г. Св. 10. Д. 47, ч. 2. Л. 24.

^{vi} ПСЗ РИ (1649-1825). Т. 32 (1812-1815). № 25671. П. 7. №15. «Всякого рода и звания военным людям, крестьянам и прочим обывателям, отлучившимся из отечества, жилищ и команд их самовольно, даруем прощение, буде пребывающие внутри России возвратятся от сего числа в течение года, а из иностранных земель в течение двух лет».

-
- ^{vii} Нессельроде Карл Васильевич (1780-1862), граф, российский государственный деятель и дипломат, с августа 1815 г. статс-секретарь, с 9 (21) августа 1816 г. управляющий министерством иностранных дел, с 1828 г. вице-канцлер, с 1843 г. канцлер.
- ^{viii} Головкин Юрий (Георгий) Александрович (1762-1846), граф, действительный тайный советник, сенатор, обер-камергер, член Государственного Совета, посол в Китае и Австрии. С 1819 по 1822 г. посланник в Карлсруэ, Штутгарте и Вене.
- ^{ix} АВПРИ. Ф. 1. Оп. II-14. 1819. Д. 6. Л. 7об.
- ^x Документы и материалы, относящиеся к истории Отечественной войны 1812 года // Акты, издаваемые Виленской комиссией для разбора древних актов. Вильно, 1912. Т. 37. С. 228, 307.
- ^{xi} Отечественная война 1812 года: Материалы Воен.-учен. архива Главного штаба: В 21 т. СПб., 1912. Т. 19. С. 391.
- ^{xii} Римский-Корсаков Александр Михайлович (1753-1840), генерал от инфантерии (1801). С 17 апреля 1812 по 24 декабря 1830 г. виленский военный губернатор.
- ^{xiii} Отечественная война 1812 года. С. 392.
- ^{xiv} АВПРИ. Ф.1. Оп. II-14. 1825. Д. 2. Л. 4-5об.
- ^{xv} ПСЗ РИ(1825-1881) Т. 1. № 540
- ^{xvi} АВПРИ. Ф. 1. Оп. II-14. 1825. Д. 2. Л. 11
- ^{xvii} Струве Генрих Антонович (1770-1850), с 1795 г. на российской службе, с 1815 по 1843 г. генеральный консул в Гамбурге, с 1843 по 1850 г. чрезвычайный посланник при Ганзейских городах.
- ^{xviii} АВПРИ. Ф.1. Оп. II-14. 1822. Д. 6. Л. 1.
- ^{xix} Там же. 1816. Д. 2. Л. 3.
- ^{xx} РГВИА Ф. 103. Оп. 1/208а. Д. 8. Св. 12. Л. 69-71.
- ^{xxi} Наумов Михаил Федорович (1757-1823), генерал-майор (1813). В 1812 г. участвовал в боевой подготовке Санкт-Петербургского ополчения, вместе с которым Воронежский пехотный полк вошел в 1-й отдельный пехотный корпус. После окончания военных действий командовал 2-й бригадой 25-й пехотной дивизии.
- ^{xxii} РГВИА. Ф. 103. Оп. 1/208а. Д. 8. Св. 12. Л. 72.
- ^{xxiii} Там же. Ф. 846. Оп.16. Д. 3628; Ф. 103. Оп. 1/208а. Св. 0. Д. 107, ч. 13; Ф. 103. Оп. 1/208а.